

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Дурак

16+

Джавид Алакбарли

Чудак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67564316

SelfPub; 2022

Аннотация

Всё начинается со встречи Чудака и Гения. И разворачивается всё это на фоне непростых событий столь богатого катаклизмами двадцатого века. Великий бакинец Лев Ландау, конечно же, сразу угадывается в созданном здесь образе Гения. Эта, начавшаяся в стенах Бакинского университета, история завершается в далёком Цюрихе. Рефреном в этой истории проходит известная фраза Короленко о том, что человек рождён для счастья, как птица для полёта. Но разве все птицы умеют летать?

Джавид Алакбарли

Чудак

Он был чудак. Настоящий чудак. Таким он был с самого рождения. Не чудик, не тронутый и даже не псих. Ну и, конечно же, совсем не юродивый. Внешне вполне нормальный человек. Но при этом он-то сам хорошо знал, что не совсем такой, как все. Ведь он же появился на этот свет как стопроцентный чудак. И старался никому, никогда и нигде не демонстрировать эту свою особенность. Тщательно скрывал и постоянно прятал её. Глубоко-глубоко, где-то внутри себя, вдали от взоров окружающих его людей. Даже очень близких. Нужно было, чтобы никто не догадывался о существовании этой тайны.

Прекрасно осознавал, что если кто-нибудь чужой узнает об этом, то он всю жизнь будет обречён на мелкие издевательства и пакости. А этого он страшно боялся. Потому и прятал свою чудаковатость. С самого детства прятал. Это было его слабое место. Поэтому везде и всегда он старался поступать так, как поступают все. Не выделяться.

А сегодня вот не выдержал. Прорвало. Стоило ему послушать, как этот студент-подросток расправляется с предложенными всей группе задачами, как его понесло. Он ясно и чётко вдруг осознал, что перед ним находится обыкновенный гений. Такого, конечно, не может быть. Но ведь есть. И

с этим фактом что-то надо было делать. Сейчас же. Срочно. Безотлагательно и незамедлительно. И тут его чужаковатость проявилась во всей своей красе.

Он попал на занятия в эту группу совершенно случайно. У заведующего кафедрой стало плохо с сердцем, и его послали на замену. И вдруг этот очень высокий мальчик, так мало похожий на обычного студента, совершенно случайно оказавшись у доски, с первой же минуты поражает и удивляет его. Чем? Да, прежде всего, тем объёмом математических знаний, которых в принципе не может быть у студента второго курса физического факультета. А потом уже вводит в состояние полного транса логической завершённостью своих рассуждений. Всё это, в конце концов, перестаёт быть решением обычной задачи. Их диалог переходит в абсолютно другую плоскость. Фактически он становится разговором двух учёных. На равных. Пока. До тех пор, пока гений всё ещё остаётся ребёнком.

Раздался звонок. Занятия закончились. Но педагог и студент почему-то продолжали активно общаться. Очевидно, что со стороны они очень забавно смотрелись вместе. Кому-то могло бы даже показаться, что у него перед его глазами стоит, ну, просто очень смешная, почти комическая картинка. Аналогия с парой «Пат и Паташон» напрашивалась сама по себе. Ещё более удивительным, чем внешний вид этой пары, был разговор, который они вели:

– Я думаю, что Вы уже догадываетесь о том, что Вы про-

сто гениев? Обыкновенный гений. Если, конечно же слова «обыкновенный» и «гений» могут стоять рядом.

Сумасшедший вопрос и, конечно же, не менее сумасшедший ответ.

– А мой отец утверждает, что я просто обыкновенный идиот. Ещё он говорит, что я лишён даже природной смекалки. Это тоже, конечно, не от большого ума.

– Даже так? Вот уж не подумал бы.

Как это ни странно, но этот мальчик-студент ничего не придумывал. Отец действительно считал его идиотом. Причины для этого было достаточно много. У отца был хваткий практический ум. Он в любой ситуации мог найти самое правильное решение и обладал достаточной силой воли, чтобы его реализовать. И чётко понимал, что его сын витает в облаках. Искренне переживал, понимая, насколько трудно будет такому идеалисту выжить в столь сложное и противоречивое время. А ещё его отец действительно был уверен, что ему почему-то очень не повезло. Всегда по жизни везло, а тут случился такой казус. У всех дети как дети. А его сын просто не от мира сего. Временами он всё же пытался, подпадая под влияние жены, понять этого ребёнка, но так и не смог. Потом бросил все свои попытки и вынес свой жёсткий диагноз: идиот. И больше не приставал к мальчику.

Практическая жилка его отца, конечно же, была связана с тем, что он был управляющим промыслами у столь известных личностей, как Ротшильды. В те годы все любили вслед

за господином Черчиллем повторять, что если нефть – королева, то Баку – её трон. Вот и правили бал в Баку все те, кто сидел на этом троне. Нобели, Ротшильды, местные нефтяные бароны... Именно Ротшильды смогли реализовать идею знаменитого химика Дмитрия Менделеева о прокладке нефтепровода Баку – Батуми. Не только создание такого уникального инженерного сооружения, но и его эксплуатация требовали привлечения людей, в которых высокая научная компетентность сочеталась бы с неординарными организаторскими способностями. Одним из таких людей и был его отец. Он даже публиковал в различных научных журналах свои статьи по разным и всяким конкретным вопросам, связанным с нефтью.

Словом, так уж сложилось, что его отец всю жизнь, наряду с управлением, занимался прикладной наукой и плохо себе представлял, что такое наука фундаментальная. А может и представлял. Но чётко понимал, что никакой практической пользы от неё нет и никогда не будет. И, конечно же, был уверен, что его сын, нацеленный на то, чтобы постигнуть самые сокровенные тайны природы, навсегда останется существом, оторванным от реальной жизни. Может быть, это он мог бы понять, но не был готов это принять как истину в последней инстанции. Ведь всю жизнь он пребывал в уверенности, что ум человеку даётся для того, чтобы в любой ситуации уметь разрешать проблемы самым эффективным образом. Но там, где исчезала конкретика, его разум и интуиция отказывались

что-либо понимать.

После окончания занятий прошло уже немало времени, а педагог и студент всё продолжали свой какой-то нескончаемый марафон по посещению подразделений канцелярии университета.

– Да, кстати, я всё хочу спросить, зачем мы с вами ходим по всем этим кабинетам?

– Мы ходим потому, что Вам здесь нечего делать. Как я понял всё, что Вы могли здесь прочитать – уже прочитали. Всё, чему могли научиться у нас – усвоили. Мы, все вместе и каждый из нас в отдельности, больше ничего не сможем дать Вам. А всё то, что бесполезно, рано или поздно, становится вредным. Вам же вот-вот станет совсем неинтересно здесь. Глядишь и станете, в конце концов, либо пьяницей, либо бабником.

– Пьяницей точно не стану. Я дал себе слово: не пить, не курить, не жениться. Но без женщин тоскливо.

Этот юный студент, конечно же, не мог признаться педагогу в том, что он до сих пор является девственником. А с другой стороны, в его возрасте это была скорее норма, чем её нарушение. Хотя, даже изрядно перешагнув рубеж юности, он так и не сможет сразу и сполна ощутить эту фантастическую по своим ощущениям радость от близости с женщиной. Пока не влюбится. А влюбится он, наконец-то, встретив ту женщину, которую назовёт своей. И будет долго ещё верен ей. Станет её мужем и отцом их сына.

– Ну, тогда, наверное, придётся выбирать между наукой и женщинами. А, впрочем, может и не придётся. Не переживай, кто его знает? Ведь всё ещё может сложиться. Будут и женщины, и возможности заниматься наукой. Несмотря ни на что.

И тут они оба расхохотались.

– Спасибо. Прогноз хороший. Ну, ещё надо попытаться быть просто счастливым. Как там говорят? «Человек рождён для счастья, как птица для полёта?»

– А ты помнишь, кто это сказал?

– Конечно. Разве можно забыть этот жуткий рассказ о мальчике без рук, который держит кисть пальцами ног и выводит эту фразу. Рук нет, а он – о счастье.

– Много читаешь?

– Да.

– И кто же тебе нравится больше всего?

– Стендаль.

– Странно.

– А он меня спас. От самоубийства.

– Как это?

– О, это очень грустная история. Долго рассказывать.

И тогда чудака задал ему вопрос, который всегда был для него чем-то вроде теста.

– Обломов или Штольц?

– Конечно же, Обломов. У меня дома есть даже диван, который я называю обломовским. На нём так хорошо думает-

ся. Вообще-то, я уверен, что цивилизацию создали именно те, кто не любит работать.

– Как это?

– Ну если бы все были очень трудолюбивыми, то ничего бы не менялось. Вначале, лентяи, которые не хотели ничего таскать на своём горбу, придумали колесо. Ну, а дальше пошло и поехало.

– То есть, ты тоже считаешь, что излишне рациональные люди – это просто ужасно?

– Конечно. Например, я ненавижу письменный стол. Наверняка, разные-всякие Штольцы думают, сидя за письменным столом. А мне лучше всего думается, лёжа на диване.

Чудак был, конечно же, старше своего студента. Будучи довольно полноватым человеком среднего роста, этот мужчина с первого взгляда вызывал безграничную симпатию. Даже встретив его вне университетских стен, любой человек без колебаний назвал бы его учителем. А может быть, даже университетским профессором. Хотя, если задуматься, в общемто, на профессора он не тянул. Был слишком молод. Ну, и ещё ему явно не хватало той обстоятельности, степенности и должной доли академизма, чтобы именоваться профессором. А ещё, конечно же, ни один профессор не совершил бы такой поступок, который он собирался сделать.

Ведь любой педагог университета заинтересован в том, чтобы на его факультете было как можно больше студентов. Причём хороших студентов. А тут он хлопочет о том, что-

бы один из самых лучших уехал бы в другой вуз. Аргументы при этом у него абсолютно неадекватные – видите ли этот университет недостаточно хорош для такого гениального студента. Вернее, чудак был уверен, что здесь нет современного уровня исследований в области физики. Равно как и нет современного оборудования, нет должных семинаров, столь необходимых для этого сверходарённого мальчика, нет научной среды высочайшего уровня... Университет ведь открыли совсем недавно. Многого нет. А без всего этого даже человек, наделённый ярким талантом, не сможет стать великим учёным. Хотя чудак уже услышал фразу Гения о том, что учёными бывают только собаки, и они вдвоём от души посмеялись над этой шуткой.

А ещё чудак понимал, что его любимая наука физика сейчас переживает период очень бурного развития. Это говорило ему как педагогу только об одном: физика остро нуждается в гениях. В таких, как вот этот необычный студент. Конечно же, всё происходящее можно было объяснить, только до конца осознавая тот факт, что этот педагог всё-таки не был обычным преподавателем. В нём же жил чудак. Именно его чудаковатость позволяла ему совершать абсолютно правильные, с точки зрения высшей этики, поступки. Хотя они были очень даже неправильные с точки зрения и позиции обычного преподавателя.

Вышагивающий рядом с ним высокий юноша, в свою очередь, мало походил на нормального студента. Он больше был

похож на подростка, случайно заглянувшего в эти университетские стены. Но и ребёнком его назвать язык не поворачивался. Из его глаз буквально выплёскивалась какая-то необыкновенная энергетика. А если вслушаться в его речь, то звучащая в ней смесь юмора, самоиронии и недюжинного ума просто поражала своей неординарностью. Абсолютно ненормальным был и разговор этих людей. Наряду с обычными темами они порой затрагивали и те, которые могли удивлять и шокировать окружающих. А ещё иногда они переходили с русского на немецкий и чувствовали себя при этом также комфортно, как может чувствовать себя человек в родной языковой среде.

Вначале педагог, обращаясь к мальчику, непрерывно задавал вопросы, пытаясь понять, каким образом вдруг в университете появилось это чудо. Много смеялся над тем, что тому пришлось учиться в коммерческом училище лишь потому, что он был слишком юн для учёбы в университете. Вначале чудака всего лишь собирал информацию о Гении. Поэтому и вопросы у него были разные и всякие.

– Сколько тебе лет?

– Кто твои родители?

– Какую школу ты закончил?

Но среди этого моря вопросов и ответов, время от времени, звучали и такие, что вызывали просто недоумение. Чего стоили фразы студента о том, что он не умеет получать хорошие оценки. А ещё и о том, что его отец убеждён в том, что

его сын просто не в состоянии хорошо учиться. Несмотря на все заверения своей жены, он считал, что Господь Бог обделил его сына своими милостями и не дал ему какого-либо таланта. Достаточно было сравнить ведомости успеваемости сына и дочери, чтобы убедиться в том, что дочь – умница и отличница, а сын – просто посредственность. В пять лет мать отдала его в еврейский детский сад, а потом он пошёл в гимназию. Он не видел ничего необычного в том, что умел дифференцировать в двенадцать лет, а интегрировать в тринадцать. Несмотря на то, что объём его знаний был несоизмерим с тем, что знали его одноклассники, он так и не вошёл в число лучших учеников. Ну, не было ему это дано. Не любил, да и не умел демонстрировать свои знания. Думал, что если он что-то знает, то это уже хорошо. Даже без того, чтобы кто-то оценил, насколько же хорошо он это знает.

Плохих оценок отец никак не мог простить сыну. Он даже не задумывался о том, что оценки – это не всегда точное отражение знаний человека. Отец его закончил гимназию с медалью и очень гордился этим.

Также он гордился и тем, что жена его тоже была медалисткой, а к тому же не была лишена научных амбиций. Словом, они были замечательные, умные, внимательные родители. Ну, просто отцу было очень сложно осознать, что сын его представляет собой редчайший феномен, абсолютно не укладывающейся в стандартные представления о том, что же такое хороший ученик.

В такой атмосфере Гений с самого детства привык относиться к себе с изрядной долей иронии. И к своей внешности, и к своим умственным способностям, и к умению адаптироваться к окружающей среде. Он был настолько худ, что говорил о себе, что у всех обычных людей телосложение, а у него теловычитание. Ну разве нормальный человек может говорить о самом себе такие гадости? А может и в этом, не от мира сего студенте, тоже жил чудак? Кто его знает?

А ещё студент просто постеснялся рассказать своему педагогу о том, что женщины являются одним из важных компонентов, придуманной им теории счастья. Два других состояли из любимой работы и общения с интересными людьми. Он придумал эту теорию после того, как отказался от своей идеи фикс – самоубийства. Спас его, как это ни странно, действительно сам Стендаль. Вернее, герой его романа «Красное и чёрное» Жюльен Сорель. Именно под влиянием этого человека он принял решение: надо не просто принять эту жизнь такой, какая она есть, но и обязательно, несмотря на все гадости и пакости, имеющие место в ней здесь и сейчас, суметь стать счастливым. Ну, и конечно же, этот страшный рассказ о мальчике без рук, выводящем знаменитую фразу, тоже заставил его задуматься о том, что же такое жизнь, для чего она даётся нам и как же всё-таки надо её прожить.

Все эти размышления и побудили его создать теорию счастья. Он был уверен, что она не только поможет ему самому

стать счастливым, но и окажется очень полезной для разных всяких других людей. К сожалению, он ничего об этом не сказал своему преподавателю. Просто постеснялся. А ещё, конечно же, он даже не мог предположить, что у этого педагога очень сложные взаимоотношения с таким явлением, как счастье. Иначе он объяснил бы ему, что нужно всё проанализировать и понять, что же мешает тебе быть счастливым. А ещё он мог бы убедить его в том, что счастье всегда внутри нас. И что лучше притворяться счастливым, чем считать себя несчастным. Не сказал же он об этом лишь потому, что не осмелился перешагнуть какой-то внутренний барьер. Он, вообще-то, был очень застенчивым. Ведь ему было всего шестнадцать лет.

Педагог долго расспрашивал своего студента, есть ли у него хорошие знакомые или родственники в Москве или Ленинграде. Он прекрасно понимал, что такой юноша не может поселиться в общежитии и выстраивать свою жизнь так, как это обычно делают студенты. Как же его обрадовали слова о том, что оказывается в Ленинграде у него живёт тётя. Так сразу же зародилось решение переводить его из Баку не в Москву, а в Ленинград.

Лишь после того, как все хождения по кабинетам были завершены, эта, казалось бы, нескончаемая эпопея такого длинного дня, наконец-то, подошла к концу. Теперь ещё несколько месяцев надо было дожидаться официального разрешения из министерства. Но, слава богу, что все необходи-

мые письма в Москву были уже отправлены. К концу учебного года, наконец-то, пришёл официальный ответ из министерства, и все остальные проблемы также были благополучно разрешены. А перед летними каникулами они встретились ещё раз. Это была, фактически, их последняя встреча. Студент уехал, а преподаватель остался. Чудак и Гений расстались. Навсегда.

Гений будет дальше жить своей жизнью. В ней будет такое количество ярких событий, интересных семинаров, замечательных людей, что он навряд ли будет вспоминать об этом странном педагоге, сумевшим в одночасье изменить размеренное течение его жизни. А чудак всё же время от времени будет пытаться что-то узнавать о том, как же живётся его бывшему студенту. Вернее, его будет беспокоить вопрос о том, сумел ли Гений раскрыть сполна тот великий талант, которым его одарил господь бог. Ведь в стране, в которой они жили, был нарушен нормальный ход истории. Здесь Гений мог умереть с голоду, оказаться жертвой случайной уличной драки или погибнуть в силу своей рассеянности и постоянного нахождения на грани двух миров. Реального и виртуального. Очевидно было лишь одно. Это то, что мир науки был для Гения такой же реальностью, как и окружающая его среда. Вот и жил он на самой кромке, разделяющей их. А это всегда опасно. Кромка – она и есть кромка.

Семья этого чудака-педагога в корне отличалась от семьи студента-гения. Прежде всего, она была абсолютно далека от мира науки и образования. Отец его занимался торговлей, а мать – домом. Сам он считал своего отца уникальным человеком. Умным, циничным, решительным. Он-то был абсолютно другим – добрым, мягким и уступчивым. Но, тем не менее, никак не мог простить отца, что едва ему исполнилось шесть лет, как тот отдал его в немецкий пансион. Пансион запомнился ему жёсткой дисциплиной. И отвратительной едой. При первой же возможности он сбежал домой. Ненадолго. Всего на часок. В свободное от занятий время. Мать его досыта накормила разными всякими вкусными вещами. Когда он уже пытался выскользнуть из дома, отцовская рука неожиданно схватила его за плечо.

– Имей в виду, что, если мать ещё раз попытается покормить тебя, я вас с ней на пару выгоню из дома.

Больше он не приходил из пансиона домой. Разумеется, кроме стандартного выходного дня, который полагался ему по воскресеньям. Но и в этот выходной отец не разрешал матери его баловать.

– Ты пойми одно. Он должен привыкнуть к другой еде. Когда он кончит школу, то пойдёт учиться в университет. Там всюду еда будет, как у немца в пансионе. Не дари ему своей заботой новых разочарований.

Даже воскресный день не был для него обычным днём отдыха. Отец был уверен, что его сын не только в совершенстве

должен знать Коран, но и выучить персидский язык. Именно поэтому в свой единственный день отдыха, он полдня был обязан читать отцу Коран, а вторые полдня заниматься с педагогом, который приобщал его к миру великого Фирдоуси.

Он сам даже не понял, как, когда и каким образом он выучил русский язык. Видимо, всё же здесь сыграла свою роль дружба с русскоязычными ребятами из пансиона. Случайно выяснив, что он прилично болтает по-русски, отец заставил его научиться читать и писать на кириллице. Когда он закончил школу, отец повёз его в Швейцарию.

– Знаешь, какие бы катаклизмы не происходили в мире, богатство любит тишину и покой. Здесь они есть. Именно поэтому люди доверяют этой стране самое ценное, что у них есть – свои деньги. Я уверен, что здесь ты можешь спокойно учиться и завершить своё образование. Факультет можешь выбирать сам. Мне абсолютно всё равно, какую ты получишь специальность. Лишь бы тебе было интересно.

Он выбрал физический факультет. Ему казалось, что там должно быть всё просто замечательно. Уже первые месяцы учёбы показали, что он не ошибся с выбором специальности. Учился он хорошо и с большим удовольствием. Когда через некоторое время отец приехал его навестить, у них состоялся весьма странный разговор. Всю оставшуюся жизнь он будет вспоминать обрывки этой беседы и ругать себя за то, что не запомнил её целиком. В деталях и подробностях.

– Ты уже не ребёнок. Читаешь газеты и видишь, что про-

исходит вокруг. Видимо, вся эта спокойная жизнь продлится совсем недолго. Может быть, даже, это последний год спокойствия на нашей земле. Дальше начнётся нечто страшное. Думаю, что нас ещё почти сто лет будут потрясать трагедии и несчастья. Нам с тобой просто не повезло. Изначально не повезло. Мы родились на стыке трёх империй. Любые катаклизмы в них так или иначе будут затрагивать нас. Очевидно, что перемены неизбежны. И я не думаю, что они принесут с собой что-то очень хорошее. Я хочу уехать далеко-далеко. Возможно, даже за океан. Наверное, так и сделаю. Хочу лишь кое-что тебе сказать. Ведь, наверное, ты сам замечал, что у нас с твоей матерью не всё ладно. Слишком мы с ней разные. Любые мои попытки хоть в чём-то переделать её всегда наталкиваются, мягко говоря, на глухую стену.

Действительно, он с самого детства видел, что отец может прекрасно существовать в двух разных, казалось бы, мирах. Запад и Восток гармонично уживались в нём. Мать всегда держалась за традиции обеими руками. Импульсивный же отец часто просто пугал её своим неординарным поведением, неожиданными поступками и постоянной тягой к новшествам.

– Понимаешь, она считает, что счастья в мире нет и не может быть, в принципе. Она уверена, что человек рождается в страданиях, живёт страдая и в страданиях же умирает. Убеждена, что это наш удел и надо уметь принять это, как должное. Страдать и понимать, что нет жизни вне боли

и страданий. Я же всегда считал, что я – баловень судьбы и рождён для того, чтобы прожить яркую, красочную и счастливую жизнь. Без намёка на то, что когда тебе плохо – то это норма. На этот переезд она не даёт своего согласия. Но я всё равно уеду. Хочет она этого или нет. Но теперь уже очевидно, что уехать мне придётся одному.

Он подумал, что жизнь на чужбине не так уж и хороша. Дома, конечно же, намного лучше. Он прямо сказал об этом отцу.

– Ну и отлично. Она тоже хочет, чтобы ты вернулся домой и был с ней. Вот и совпали ваши желания. Я рад. Отец замолчал. Молчал и он. Это было тяжёлое молчание. После глубокого вздоха отец снова заговорил.

– Обычно об этом не говорят с сыновьями. Для детей проблемы родителей всегда остаются окружёнными некой тайной. Но у нас с тобой неординарная ситуация. И я рискну кое-что тебе рассказать. Знай, что я влюбился в твою мать с первого взгляда. Она была красавицей. Красавицей из очень благополучной семьи. Я же был нищ и бос. И замуж её за меня отдали с огромным трудом. Но из множества претендентов на её руку она выбрала именно меня. Это только посторонним кажется, что женщина на Востоке лишена выбора. Здесь, даже, если мужчина абсолютно уверен в том, что это его выбор, то это просто иллюзия. Он может внушать себе всё, что угодно. Если мужчине хочется, пусть так и думает. На самом же деле это означает только одно: до него этот вы-

бор уже был сделан женщиной.

В тот судьбоносный для нас день у неё дома состоялся непростой разговор. И её родители смирились с тем ультиматумом, который она им предъявила: либо они отдают её мне, либо теряют. Она даже не сочла нужным разъяснить им, что она сделает с собой, если нам не разрешат быть вместе. Повесится, утопится, выпьет яду... Но была в ней такая решимость, что они отступили. И чтобы ты знал на будущее. Твоя мать гораздо более сильная личность, чем я. У неё такой характер, что она могла бы всю жизнь вить из меня верёвки. Но она этого не делала. По одной простой причине. Она просто любила меня.

А полюбила меня она с той самой первой минуты, когда она была ещё девчонкой-подростком, а её отец нанял меня, сироту без рода и племени, чтобы я выполнял у них самую грязную работу. Он был мудрым человеком и сразу же осознал, что уже с первого взгляда, между нами что-то вспыхнуло. Поэтому вся моя работа была выстроена так, чтобы я практически не видел его дочь, а она – меня. Но моё трудолюбие, честность и смекалку её отец оценил сполна. Я пришёл к нему просто грамотным парнем, умеющим читать, писать и считать. По мере того, как я разъезжал с ним, вникал в его дела, выполнял его поручения, я многому научился. А потом он всё-таки рискнул и отдал свою дочь за меня замуж. Не польстился на какие-то выгодные партии. И превыше всего поставил желание и решение своей дочери. Не хо-

тел её ломать.

Пять лет, целых пять лет нашего брака, я ощущал себя самым счастливым человеком на свете. Достаточно было каждый день рано утром взглянуть на это чудо, залитое лучами восходящего солнца, и понять, что я тот ещё любимчик судьбы, ежедневно просыпающийся рядом с этой красавицей. У нас было всё, что нужно для счастья. Жильё, еда и наша любовь. Не было лишь лишних денег. Ну, ещё и детей. Когда я начал хорошо зарабатывать, то купил клочок земли. Совершенно случайно. Просто выручил людей, которым очень нужны были деньги.

Всегда смеялся над всеми этими неудачниками, которые вкладывали последнее в покупку земли, но так и не смогли дожидаться того, чтобы из неё ударил нефтяной фонтан. Я же всего лишь хотел испытать на собственном участке новое бурильное оборудование. Испытал. Удачно испытал. Когда пошла нефть, я мгновенно разбогател. Но нефть так и осталась для меня всего лишь одним из источников дохода. Я не расширялся. Не покупал новые участки. Но нефтяным оборудованием занимался. Его я продавал, но разбираясь в нём, совершенствовал его и устранял выявленные недостатки. И видел я себя только в торговле. Именно таким образом мне удалось приумножить мои первые нефтяные деньги.

У нас долго не было детей. Это сильно угнетало мою жену. Меня же этот вопрос никогда особенно не тревожил. Я был влюблён и счастлив. Думал, что если нам суждено стать

родителями, то мы ими станем. А если нет... Ну, нельзя хотеть того, что тебе не суждено иметь. Это грех. Но в один прекрасный день, придя домой, я обнаружил, что у нас находятся чужие люди. Это был врач из больницы Нобелей, что в Сабунчах, и его помощница. Оказывается, жене стало плохо, и к ней вызвали врача. Врач поставил меня в известность, что моя жена ждёт ребёнка.

Этот день я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Именно начиная с этого момента, жена исключила из нашей жизни близость. Да, мы жили под одной крышей. Да, мы заботились друг о друге. Да, мы растили тебя. Но, фактически, мы перестали быть мужем и женой. Не знаю, какой обет дала твоя мать, но я ещё много лет с горечью наблюдал, как угасает её красота. Она сама превратила себя в живую мумию.

Это была та цена, которую она заплатила за возможность стать матерью. Высокая цена. Цена, которую она сама назначила и выплатила сполна. Я же просто смирился с этим.

Тут его внимание привлекла чёрная ниточка, повязанная на запястье отца. Тут же всплыли воспоминания о том, что обычно такими «браслетами» всех цветов радуги отца награждал весьма странный человек, иногда подолгу беседующий с ним. Его всегда тревожило появление у них в доме этого существа, неизменно одетого во всё чёрное. Мать называла его Чёрным дервишем. Это был очень странный мужик. Внешне он напоминал высохшее дерево. Состоял из одних сплошных углов. От одного лишь взгляда его зелёных

раскосых глаз любому нормальному человеку сразу становилось не по себе. Отец тут же поймал его взгляд, брошенный на браслет. Улыбнулся.

– Ты уже, наверное, догадался, что у меня был Чёрный дервиш. Я знаю, что ты его не любишь и думаешь, что он приносит несчастья. Это тебе внушила твоя мать. Но ты ошибаешься. Это не он приносит их. Он просто видит то, что он видит. То, что другие не могут увидеть. Это его дар. Скорее всего, его проклятие. Посетит меня дервиш или нет, скажет он мне что-нибудь о моём или твоём будущем – неважно. А важно лишь то, что если что-то должно случиться, это произойдёт и так. Хотя дервиш всё время убеждает меня в том, что, узрев что-то в нашем будущем и предприняв сегодня какие-то шаги, мы неизбежно меняем будущее. Кто знает? Может, действительно, вся эта игра с судьбой и попытки обмануть её, являются чем-то не очень угодным Господу Богу. А, может быть, всё это просто самообман. Иллюзии, которыми мы любим тешить себя. Но, вместе с тем, моя интуиция и всё растущее внутри меня беспокойство требуют, чтобы я бежал из Баку. И как можно быстрее. Пока ещё это возможно сделать.

Вдруг его поразила какая-то просто безумная мысль о том, что отец, как бы, прощается с ним. Сердце кольнуло. Но он продолжал слушать монолог отца.

– Дервиш предсказал мне долгую жизнь. А твоя жизненная линия у него очень-очень туманная. Ему видится, что у

тебя будет сын. Хороший и умный мальчик. И это, пожалуй, единственное, в чём он абсолютно точно уверен.

Он никак не мог осознать, что его отец на самом деле верит во всю эту чушь.

– Ничего не спрашивай. Не мои это тайны и не мне их разбалтывать. Но знаю одно. Когда вернёшься в Баку, попытайся преподавать. Всё равно где. Найди достойное место. Держись подальше от всех казённых учреждений и от всего, что связано с деньгами. Запомни на всю жизнь одну простую истину. Ты не любишь деньги, и поэтому они никогда не любят тебя. Это либо обоюдная любовь, либо её полное отсутствие. А меня деньги любят. Пока буду жив, буду помогать тебе. Как? Не спрашивай. Я найду способ.

Выбранный им физический факультет подарил ему уверенность в том, что человеческий разум способен разгадать много тайн природы, кроме самых главных. Самые же главные тайны разгадывают те гении, которым удаётся подключиться к мировому разуму. Он чётко знал, что ему это не дано. Что он так и останется по жизни человеком, который может всего лишь прекрасно усвоить всё то, что уже открыто другими и нашло своё достойное место в науке. Позднее он прочитает ту знаменитую статью, где утверждалось, что науку делают только пять процентов учёных. Но они никогда и ничего не могли бы достичь без усилий тех девяноста пяти процентов, которые постоянно поддерживают высокий уровень науки. Это попросту невозможно. Он был целиком

и полностью в этих девяноста пяти процентах. А это значит, что он может стать лишь передатчиком знаний. Попросту говоря, стать лишь хорошим педагогом. И всю жизнь он будет обречён на то, чтобы обеспечивать в науке связь времён и поколений. Что же, это не так уж и плохо.

Недаром же отец говорил, что он замечательный парень, но гены ему в основном достались материнские, а не отцовские. Даже внешний его облик вобрал от отцовского лишь серый цвет глаз и ослепительную белизну кожи. Это была просто констатация факта. Равно, как и понимание того, что небеса не даровали ему той божьей искры и не слепили его из того материала, из которого делаются великие учёные. Он это понял раньше всех. Ведь если объективно оценить всё то, чего он добился, то будет ясно, что многого он достиг трудом и прилежанием, а не благодаря большому природному таланту.

Наказы отца он исполнил сполна. Когда завершил учёбу, то вернулся в Баку. Мать с первой же минуты их встречи ошарашила его новостью о том, что отец умер. Это его очень удивило. Всё же где-то в глубине души, с учётом их цюрихского разговора, он надеялся, что эта смерть может оказаться мнимой и являться частью хитроумного плана отца. Посетил кладбище. На могиле отца был сооружён скромный памятник. Вроде всё было так обыденно. Как у всех. Кроме надписи на могильном камне. Она извещала всех о том, что оказывается его отец умер в тот самый день, когда сидел ря-

дом с ним в небольшом кафе в Цюрихе. Он спокойно воспринял это. Конечно же, ничего не сказал об этом матери. Лишь спросил у неё о том, как же прошли похороны.

– Нормально. Как положено. Так, как и у всех.

Через три месяца после возвращения в Баку он женился. На той самой девушке, которая изводила его всё детство своими шалостями. Были соседями, стали одной семьёй. Она была младше его на пять лет и во много раз красивее. Через год она родила ему сына и умерла при родах. Он поневоле вспоминал слова отца о том, что счастье имеет такую странную особенность, что обходит стороной те дома, где его не особенно ждут. Но видит Бог, он был безмерно счастлив весь этот год. И чувствовал себя после смерти жены не овдовевшим, а осиротевшим. Точно так же, как и его сын. Спустя год у него появилась постоянная спутница. Но он так и не смог жениться на ней. Это казалось ему предательством. Он не мог привести в дом женщину, которая стала бы мачехой его сыну. Сыну, которого, в конце концов, вырастила и воспитала его собственная мать.

К его счастью, вскоре после его возвращения, в Баку открылся университет. Он стал одним из его первых педагогов. Университет полностью поглотил его. Ему казалось, что понастоящему он чувствует себя востребованным только тогда, когда находится в аудитории. Студенты же попадались разные и всякие. В одних жила неуёмная жажда знаний, а другие учились чисто формально, как бы отбывая некую повин-

ность. Видимо, так и должно было быть. И воспринимать это следовало бы как некую данность. Казалось, что дальше его жизнь потечёт уже по накатанной колее. До самой смерти. Без изменений и потрясений.

Не понимал он лишь причин того, почему им пришлось в столь срочном порядке переехать из удобного отцовского особняка в весьма скромный дом. Как только свергли правительство Демократической республики, а в Баку вошли большевики, в доме появился человек отца и велел им срочно собирать вещи. Немного вещей, только самые необходимые. Просто два-три узла, которые можно перевезти в неприметном фаэтоне.

Они выехали из отцовского особняка и поселились в Старом городе, в маленьком дворике. Здесь было роскошное фисташковое дерево и абсолютно невзрачный трёхкомнатный дом. Мать говорила, что всё это, когда-то принадлежало одному из её родственников, но ещё много лет тому назад отец выкупил этот дворик. Однако, с тех пор здесь никто и не жил.

А наутро, после переезда, он впервые увидел свою обычно такую спокойную мать очень расстроенной. Когда он заинтересовался у неё в чём же дело, она со слезами на глазах попыталась ему всё объяснить.

– Муртуза застрелился прямо на ступеньках собственного дворца. Его жена исчезла. Кто бы мог подумать, что столь большая любовь может закончиться такой трагедией. Кстати,

разграбили многие дома, в том числе и наш. Всё-таки твой отец был очень хитрой бестией. Он как будто бы предвидел все эти события. А кто его знает, может быть, и не его это были догадки. Скорее всего, этот Чёрный дервиш, общающийся с самим сатаной, заглянул так далеко в наше будущее. Как же я его ненавижу.

Со временем они привыкли к своему новому дому. Именно сюда он привёл свою жену. Здесь сделал первые шаги его сын. Отсюда он каждое утро отправлялся на работу в университет. Вроде всё было неплохо, но день ото дня жизнь становилась всё более трудной. Постепенно терялись какие-то ориентиры, представления о том, что и как должно быть. В городе позакрывали все мечети. А потом взорвали Александровский собор, Польский костёл и мечеть Биби-Эйбат. Видимо, выбор был сделан таким образом, чтобы никому не было обидно. Ни православным, ни католикам, ни мусульманам.

Всё то, что не взорвали, просто закрыли или превратили в склады. Всем объяснили, что Бога нет. Кто-то поверил, а кто-то нет. Но всё же общество воинствующих атеистов создали. Город постепенно окрашивался в какие-то тусклые, серые тона, менялся странным и непонятным образом, теряя свою былую энергетику. И жизнь в городе тоже менялась. Не в лучшую сторону. Это уже была новая реальность, новое качество бытия, новые правила жизни.

Педагог очень обрадовался, увидев первые работы бывшего студента их университета, опубликованные в серьёзных научных журналах. Одна из публикаций особенно порадовала его. Не каждому удаётся в 19 лет ввести в науку абсолютно новые фундаментальные понятия. Гению из Баку это удалось. Ещё больше ему по душе пришлась весть о том, что тот благополучно завершил образование и уехал в Германию для продолжения научных исследований. Когда же он узнал, что Гений получил стипендию от Рокфеллеровского фонда и выполняет в Цюрихе очень интересные работы с физиками из тамошнего университета, то поневоле вспомнил свои студенческие годы. И задумался над тем, правильно ли он сделал, уехав из этого замечательного города сразу после окончания университета?

На очередной Новруз байрам по городу поползли слухи о том, что отца Гения арестовали спецслужбы. Ему было предъявлено обвинение в том, что он скупает и хранит золотые царские червонцы. Бывший управляющий нефтяными промыслами всё пытался объяснить, что он никогда не занимался скупкой золота. Говорил, что этими золотыми червонцами ему просто когда-то платили зарплату. А виноват он, наверное, всего лишь в том, что он не всю эту зарплату смог в своё время потратить. Вот и остались в доме эти деньги как немые свидетели того, что в жизни человека бывают и такие периоды, когда ему выплачивают следующую зарпла-

ту, но полученная до этого ещё не вся израсходована. Неизвестно, какие силы были подключены к этому конфликту, но весь город хохотал над тем решением, которое было, в конце концов, принято. А оно было поистине соломоновым: золото отобрать, а взамен выдать эквивалент в советских денежных знаках. Что и было сделано.

Как только отца бывшего студента Бакинского университета выпустили из тюрьмы, он уехал отсюда. Никто тогда, конечно же, и не мог предвидеть того, что пройдёт много лет, и на доме, из которого он выехал, появится мемориальная доска, свидетельствующая о том, что когда-то здесь жил Гений. А сама улица будет носить имя великого поэта Низами. Вот такая переключка сквозь толщу восьми веков. Мемориальная доска одного гения, находящаяся на улице, носящей имя другого гения.

После всего этого трудно верить великому англичанину, утверждавшему, что Запад есть Запад, а Восток есть Восток и что не сойтись им вовек. Кто знает, может быть, у них там в Британской империи всё так и было. Но в Баку они всё же сходились и образовывали ту удивительную смесь восточной мудрости и западной рациональности, которую не каждому удаётся до конца осознать. А ведь именно этим всю жизнь и пытался заняться наш чудак.

Он ещё очень сильно переживал, что, в конце концов, и университет стал стремительно меняться. Тоже не в лучшую сторону. Вначале перестали поступать журналы и книги на

иностранных языках. Затем появились какие-то непонятные партийные функционеры, командующие всем и вся.

На следующем этапе почему-то ввели предметы, абсолютно не связанные с будущей специальностью студентов. Да ещё много чего сделали на каждом факультете, нарушив нормальное, устоявшееся течение учебного процесса.

А потом университет попросту закрыли. Вернее, его разделили на три вуза. Спустя несколько лет, когда университет всё-таки восстановили, его почему-то не взяли туда обратно. Оставили в педагогическом институте. Он смирился с этим. Теперь он уделял очень много времени образованию сына. Поражался его уму и жажде знаний. Радовался тому, что природа, немножко отдохнув на нём, всё-таки сполна одарила его мальчика.

Как-то поздно вечером, когда он возвращался домой, он заметил, что у маленькой входной двери маячит чья-то тень. Конечно же, он сразу узнал отцовского Чёрного дервиша. Пригласил в дом. Они проговорили почти до утра. Дервиш сразу же начал говорить ему о том, что скоро настанут очень тяжёлые времена.

– А, что может быть хуже, чем было в двадцатые?

– Может. И будет. Гораздо хуже будет. Тогда власть только вступала в свои права. Сегодня, фактически, нет никакого противодействия ей. А есть только инакомыслие. Его и будут искоренять. Репрессиями. Сейчас власть может себе это позволить. Людей будут расстреливать сотнями и тыся-

чами. Соседи будут доносить на соседей, коллеги на коллег, родственники на родственников. Человека, который сегодня писал донос, уже завтра будут расстреливать по доносу другого человека. Интеллигенцию практически полностью уничтожат. Начнут формировать новое поколение, воспитанное должным образом. Им нужны узкие специалисты, а не интеллектуалы. Любой человек, имеющий хоть какие-то мозги и приличное образование, рано или поздно угодит в эту человеческую мясорубку. Особо будут востребованы доносы на тех, кто знает хоть какой-то иностранный язык.

– Не думаю, что это может коснуться меня. Я же не творческий человек, не поэт и не писатель. Я простой преподаватель физики. Не уверен, что то, что я знаю немецкий, арабский и персидский, может быть основанием для преследований. Это же просто смешно. Мне самому порой даже кажется, что я уже и забываю эти языки.

– Вот тут-то ты и ошибаешься. Я пытался заглянуть в твоё будущее. Оно туманно. Это означает, что оно может сложиться по-разному. Под влиянием различных обстоятельств. Возможны любые сценарии. Я всё-таки предлагаю тебе «исчезнуть». Семьи всех тех, кто будет репрессирован, также подвергнутся гонениям. Думаю, что тебе не на что надеяться. Кому-то может приглянуться твой симпатичный дворик или та красивая женщина, с которой ты так хорошо общаешься. Людская зависть безгранична. И твоя образованность, и твоя доброта будут работать против тебя. Он

не знал, как ему реагировать на эту информацию. Он просто чувствовал, что сигналы тревоги, излучаемые Чёрным дервишем, вполне обоснованы. Единственное, на что он надеялся, заключалось в его какой-то дурацкой вере в то, что если репрессии и будут, то их острiot будет направлено против гуманитарной интеллигенции, а не против технарей. Выжить надеялся. А ещё, конечно же, он очень беспокоился за мать и сына. Видимо дервиш «читал» его как открытую книгу. Не успел он подумать об этом, как дервиш сказал:

– Подумай о своём сыне. Матери твоей осталось жить не так уж много. Сын уже заканчивает школу. Постарайся отвезти его в Москву. Пусть будет медиком. У вас в роду было немало известных целителей. Мне кажется, что этот дар присутствует и в нём. В любом случае, после его поступления, разорви все связи с ним. Объясни, что наступают тяжёлые времена. Я знаю, что ты недолюбливаешь своего отца. Не одобряешь какие-то его поступки. Напрасно. Из всех людей, которых я знаю, он был единственным, кто принял самое правильное решение в то смутное время. А знаешь, ведь он сейчас очень далеко. За океаном. Ведь он тогда ухитрился каким-то чудом передать мне свой паспорт, в котором стоял штамп о том, что он въехал в Российскую империю. Я сам организовал его «похороны». Следов никто не найдёт. Не бойся. Ему там тепло, сытно и уютно. Кстати, просто, чтобы ты знал. У тебя там подрастают два братика.

– Я подумаю. Но уверен, что пока мать жива, никуда я

не уеду. Перевезу семью летом на дачу. А потом посмотрим. Когда ты снова сможешь приехать в наши края?

– Я подам тебе весточку. Да, кстати, хочу сказать ещё об одном. Ещё во времена Великого шёлкового пути выстроилась целая цепочка передачи знаний, информации и денег. Эта система, хоть в усечённом виде, действует и сейчас. Все эти годы ты видел, что каждое утро в пятницу, неизвестно как и откуда, пополняются запасы вашей провизии. Практически, ваша семья нуждается только в деньгах на мелкие расходы. Так будет и впредь. Пока не произойдёт ещё что-то столь же ужасное, как революция. А на будущее просто так, для себя запомни одну простую истину. Никогда ни одно поколение не может защитить последующее от превратностей судьбы. Каждое поколение зашорено. И находится в плену стереотипов своего времени. За это и расплачивается.

Летом он поехал в Москву. С сыном. Тот блестяще сдал экзамены и стал студентом. По рекомендации дервиша, он навестил каких-то, не совсем понятных ему людей, имеющих отношение к Центральному рынку. Они обещали присмотреть за новоиспечённым студентом. Передал все данные о нём. А ещё фотографию, где они были сняты вдвоём. Улыбающиеся и счастливые. Они сфотографировались сразу после того, как узнали, что он стал студентом. Он же возвращался в Баку. Оставалось лишь попрощаться с сыном.

– Ты уже совсем большой. Надеюсь, что станешь хорошим врачом. Не приезжай домой. И не пиши. Никому не доверяй.

Как можно меньше говори. Ни с кем ничего не обсуждай. Не думай ни о чём, кроме учёбы. Когда это будет возможно, я тебя сам найду. Если срочно понадобится какая-то помощь, можешь обратиться по этому адресу. Не стесняйся. Они обязательно помогут. Обращайся без всяких комплексов.

Домой он вернулся окрылённый. Ему казалось, что он смог уберечь сына от какой-то очень большой, но пока ещё ему самому не совсем понятной опасности. Мать его долго расспрашивала. Хотела всё узнать о будущей специальности внука во всех подробностях. Очень обрадовалась за своего любимца. Допоздна возилась на веранде, наводя порядок. Уснула за полночь. А утром она просто не проснулась. Он похоронил её на сельском кладбище, рядом с дачей. С горечью подумал о том, что, видимо, рядом с её могилой будет находиться и его мнимая могила.

Лето закончилось очень быстро. Когда за ним приехал Чёрный дервиш, то он привёз ему одеяния, повторяющие его собственные. Один в один. И они двинулись в путь. Шли долго. Ночевали на известных только дервишу стоянках, где их уже ждали. Скучная еда и многие километры, вышагиваемые за день, привели в порядок его тело. Стало легче дышать и думать. А думы были очень тяжёлые. Он так и не понял, всё-таки, правильно ли он поступает или нет. Может быть, следовало остаться и мужественно встретить свою судьбу? Какой бы она ни была. Но, увы, он уже шагал по этим горным тропам навстречу новому дню. И новой реальности.

Дервиш оказался великим соблазнителем. Кстати, за всё это время пути он его, практически, не замечал. Молчал всю дорогу. Не задал ему в течение всего этого нелёгкого пути ни единого вопроса. Да и он не спрашивал дервиша ни о чём. Лишь повторял за ним все его шаги и послушно следовал всем его указаниям. Он потерял счёт времени и не мог чётко сказать, сколько же дней они находятся в пути. По каким-то незначительным признакам он вдруг начал осознавать, что, видимо, они уже в другой стране. В тот день, когда они подошли к большому городу, дервиш сказал:

– Это Тебриз. Я нашёл тебе место домашнего учителя в очень богатой и уважаемой семье. Это потомственные врачи и очень хорошие люди. У них два внука. Думаю, что ты обеспечен работой на десять лет вперёд. Вот тебе адрес дома, в который тебе надо явиться. Если я тебе понадоблюсь, иди на рынок. Найди там кузнеца по имени Али и скажи, что ты хочешь меня видеть. Где бы я ни был, в течение трёх дней обязательно появлюсь. Удачи тебе.

Этот дом он легко нашёл. Лишь пару раз спрашивал дорогу у случайных прохожих. Сам удивился тому, что его так хорошо понимают, а он сам в свою очередь прекрасно осознаёт суть даваемых ему разъяснений. Лишь задав последний вопрос и получив ответ, он вдруг осознал, каким же дураком он является. Зачем ему понадобилось задавать все эти вопросы по-персидски? Это же южный Азербайджан. Здесь все его и так бы прекрасно поняли, если бы он говорил на родном языке.

ке. Почему-то мысль об этом подняла ему настроение. Когда же он подошёл к дому, который искал, то поразился тому, насколько похожа эта входная дверь на ту, что была у них в Старом городе. Здесь тоже было три молоточка: один, висящий совсем низко, маленький молоточек для детворы, другой – женский и висящий выше всех молоточек для мужчин. Он поневоле улыбнулся такому сходству. Постучал. Ему открыл дверь человек, лет на десять старше его собственного сына. Поприветствовал его по-азербайджански. Накормил и напоил крепким чаем. Разместил его в отдельно стоящем во дворе скромном домике. Наутро он познакомился с мальчиками-близнецами и главой семейства. Он выстроил программу занятий для них, согласовал её с их отцом. А дальше потекла тихая, размеренная, монотонная жизнь домашнего учителя.

Спокойное течение этой столь регламентированной жизни за все эти годы нарушило лишь два события. Первым было введение советских войск в Иран. Вторым – окончание Второй мировой войны и последующий вывод этих войск. Он спокойно вздохнул, когда это произошло. Вроде бы страха не должно было быть. А он был. Даже потом осталось некоторое внутреннее беспокойство. Умом он осознавал, что ему ничего не угрожает. У него давно уже было другое имя и хорошие, добротные, чистые документы. Но почему-то было очень неуютно. Чувствовал себя самозванцем, которого вот-вот разоблачат. Эти люди, к которым он попал, проявили к

нему такое внимание, что он уже считал себя частью этой семьи. Глава же семейства не раз говорил о том, что, именно благодаря ему, новому члену их семьи, мальчики получают блестящее образование. Вроде бы внешне всё было хорошо. Но кто же знал о том, что творилось в душе чудака?

Новости, пусть даже в виде слухов и сплетен, обладают удивительной способностью просачиваться всюду. Сквозь заборы, стены домов и даже границы государств. Со временем меняется лишь скорость, с которой это происходит. Иногда этими новостями с ним делился дервиш. Чаще всего они встречались в различных уголках города. Тот сам назначал место и время. Что-то рассказывал, о чём-то расспрашивал. Из их разговоров он понял лишь одно. Если бы он остался в Баку, то уже давно бы покинул мир живых. В конце 1937 года их беседы напоминали какую-то ужасную игру в «да» и «нет». Он произносил лишь имена. Ответ дервиша же включал в себя лишь информацию о том, жив ли этот человек. Списки живых были очень скудными. Списки арестованных и расстрелянных были в тысячи раз больше. Иногда дервиш мог, как бы, во имя кого-то жутко трагического разнообразия сказать:

- Жив. Ссылка. Казахстан. Но чаще всего звучало:
- Расстрелян. Семью выслали в Казахстан. Или же:
- Умер. В ссылке. В Сибири.

Больше всего его потрясла судьба молодого учителя математики, который жил в соседнем дворе. Он происходил из очень известной семьи религиозных деятелей. Математиком же он был просто от Бога. Это был один из первых студентов их университета. На него кто-то написал донос, в котором сообщал властям, что этот молодой человек, хоть и называет себя учителем, но рьяно соблюдает все религиозные предписания. Держит пост и совершает намаз. Его увезли ночью. Его жена и трое детей, спустя три месяца, получили весть о том, что их отец скончался в Казахстане от брюшного тифа. Вот такая вот нехитрая история. Как же он заблуждался, считая, что представителей технических и точных наук репрессии коснуться не должны.

Примерно раз в полгода дервиш передавал ему информацию о том, как же поживает его родной сын.

– Удивительно, но у него дедовский характер. Он так и ни к кому не обратился за помощью. Те ребята в Москве через пару месяцев выяснили, что он подрабатывает, разгружая вагоны на станции Москва-Сортировочная. При такой постановке вопроса было очевидно, что никакую финансовую помощь от них он, конечно же, не примет. Тогда они привлекли одного из его друзей, который якобы и нашёл ему работу в качестве репетитора. Так что можешь радоваться. Вы с сыном сейчас почти что коллеги.

В самом начале наступления немцев на Москву Чёрный дервиш сообщил ему о том, что сын окончил мединститут и

работает в одном из военных госпиталей. А в конце войны он сообщил, что теперь его сын находится в берлинском госпитале. Радость его была безгранична. Его мальчик выжил. Избежал многих опасностей. И смог осуществить свою и его мечту – стал хорошим врачом. День, когда он получил это известие, он запомнил как праздник.

До войны чудак несколько раз ездил со своими подопечными в Цюрих, а сразу после её окончания, они поступили в университет. Именно в тот, который когда-то закончил он. Но на медицинский факультет. Сам он много читал. Тратил деньги на то, чтобы выписывать научные журналы. Следил за всеми новыми публикациями в области физики. Когда Гений перестал публиковаться, он сразу же понял, что что-то случилось. Какие-то косвенные признаки подтвердили его подозрения о том, что учёный арестован. Почти год о нём не было что-либо известно. А потом его, видимо, выпустили. Во всяком случае, стали появляться его новые статьи.

Находясь за тысячи километров от своего бывшего земляка, он получал достаточно информации и о том, как протекает научная жизнь у Гения, чей талант только-только начал сполна раскрываться. Когда уже после войны снова наступила пора молчания, он догадывался о том, что его бывший студент активно участвует в каких-то засекреченных проектах, так или иначе связанных с тем сверхоружием, которое уже показало всю свою смертоносность в несчастной Хиросиме. А потом поток публикаций снова возобновился.

Самым большим подарком судьбы для него стало появление того знаменитого девятитомника, который помогал талантливым студентам-физикам приобщаться к миру высокой науки. В научных кругах ходила байка, что Гений, хотя и числился его автором, но не написал ни единой строчки в этом девятитомнике. Он всего лишь придумал и в деталях описал всё то, о чём там надо написать. Конкретной писаниной занимался его ученик. Фактически исполнял функции секретаря. Хотя Гений сделал его наряду с собой полноценным соавтором.

А ещё в Цюрихе злословили на тему о том, что в самом начале проекта к Гению приходило немало знаменитых учёных, пытающихся его убедить в том, что напрасно он взял к себе столь неудачного помощника. Среди них были и те, кто открыто предлагал своё сотрудничество. Заверяли, что они справятся с этим намного лучше. Он нашёл отличный рецепт того, как наказывать этих новых кандидатов в соавторы. Он начинал чётко им разъяснять, что надо сделать в очередной главе следующего тома. Как правило, с ним начинали спорить и убеждать в том, что всё надо сделать несколько иначе. Спустя два-три часа, они уже поддакивали и соглашались с тем, что Гений, конечно же, прав и написать эту главу нужно именно так, как он рекомендует.

– Вот, видите, что у нас получилось? Я потратил три часа своего времени на абсолютно бесполезные обсуждения. Мы вернулись в исходную точку. А ведь соавтор, которого я вы-

брал с самого начала, просто шёл и делал всё, что я ему сказал. Не крал у меня эти три часа моего времени, которые я мог бы потратить на гораздо более приятные и полезные занятия.

Этот знаменитый девятитомник переведут на многие языки. Чудак купит его в английском переводе. И поставит на полку. Каждый день он будет что-то читать из какого-то тома. Выбирать будет наугад. С закрытыми глазами. И будет горд тем, что когда-то стоял рядом с этим Гением на расстоянии вытянутой руки.

В Цюрихе он как-то несколько раз встречался с одним из своих бывших сокурсников. Среди множества новостей, которые они обсуждали, одна особенно его заинтересовала. Оказывается, что когда один из основоположников квантовой механики, известный учёный и нобелевский лауреат вернулся из поездки в Москву, то он очень много рассказывал о Гении. В научных кругах долго обсуждали одну из этих очень интересных историй. Говорят, что на встрече со студентами в Московском университете у гостя спросили, как ему удалось создать одну из самых лучших научных школ в мире. Ответ его был прост.

– Я никогда не стеснялся сказать своим ученикам, что они просто идиоты.

В этот момент в зале со своего места вдруг поднялся ка-

кой-то профессор и обратился к Гению, который считал этого нобелевского лауреата своим учителем и охотно выполнял при нём функции переводчика. Профессор сказал:

– Тут налицо явная ошибка перевода. Наш гость не говорил о том, что он не стеснялся сказать своим ученикам, что они идиоты. Он говорил совершенно обратное. Это он не стесняется признаться своим ученикам, что он идиот. Но это не просто ошибка перевода. Это ошибка по Фрейду. Почему? Да просто потому, что именно в этой неточности перевода кроется разница между вашими научными школами. Наш гость называет идиотом самого себя, а вы – своих учеников. Говорят, что после этого замечания дружно смеялся уже весь зал. А громче всех раздавался смех Гения. Чудак так и не смог выяснить, является ли это просто байкой или реальным изложением того, что происходило в тот день в далёкой московской аудитории. Он знал лишь одно: жонглирование словом «идиот» было родом из детства Гения. Чей отец был искренне убеждён, что его сын обыкновенный идиот.

Чудак умер прекрасным летним утром, завтракая вместе с друзьями в том самом цюрихском кафе, порог которого он впервые переступил много лет тому назад. Они с жаром обсуждали то, что в двадцатом веке в мире произошли три культурные революции.

В одной из них чудак сам принимал непосредственное участие. Это была советская культурная революция. Другая проходила в далёком Китае и нанесла огромный ущерб науке и образованию. Третья сейчас начала разворачиваться в Иране. Семья его покровителей находилась в Швейцарии уже больше года, всё надеясь, что накал страстей исламской революции спадёт и можно будет вернуться в Тебриз. Чудак так и не узнает, что столь дорогие ему люди уже никогда не смогут вернуться в свой родной город.

А пока они пили кофе, он в деталях и подробностях рассказывал о том, что когда-то он бежал со своей родины, не желая быть жертвой репрессий. Они грянули сразу же после завершения культурной революции. Спустя много лет, разрушительная волна уже новой разновидности тоталитаризма всё-таки настигла его. Он говорил о том, что ему абсолютно всё равно, что лежит в основе её идеологии. Человеку, обречённому на жизнь в тоталитарном обществе, совершенно безразличны причины того, зачем и почему его обрекают на эту несвободу.

Суть и особенности исламской революции ещё долго будут анализировать все, кому не лень. В том числе и те, кто обвинял когда-то всю эпоху Просвещения в том, что именно её идеи и породили, в конечном итоге, тоталитаризм. В случае с разворачивающейся культурной революцией идеологи и философы Просвещения останутся вне критики. И никто так и не сможет объяснить, почему под лозунгами культур-

ной революции уничтожают саму культуру и самых ярких её носителей. А ещё они говорили о том, что учения бывают разные и всякие, равно, как и религии. Но когда университеты объявляются рассадниками зла, а великого Фирдоуси объявляют врагом, то это означает лишь одно: нации пытаются сделать лоботомию. А последствия её бывают разные и всякие. И очень редко их можно оценивать, как положительные.

Это была счастливая смерть. Мгновенная и безболезненная. Видимо, он так и не осознал, что это был последний глоток кофе и последний его вздох на этой земле. Выдохнуть он уже не успел. Предвидел ли Чёрный дервиш, что его подопечный закончит свои дни в столь необычном месте и столь неординарным способом? Кто знает? Может и предвидел. Он же никогда не делился всей той информацией, которой обладал. Каждому из тех, с кем он общался, он дарил всего лишь крохи того знания, которым он владел. Ведь он же был уверен, что лишние знания лишают человека надежды на счастье. Хотя возможны и исключения.

Гений из Баку знал и понимал очень многое. Но смог прожить очень счастливую жизнь. Ровно до того момента, когда попал в ту ужасную аварию на Московском шоссе. За свою теорию счастья он так и не смог получить какую-то премию. Хотя всю жизнь старался быть счастливым. Не всегда это удавалось. Но он и не предполагал, что это будет легко. После той аварии он получит Нобелевскую премию. Это был

единственный случай в её истории, когда премию вручали в больнице.

Когда-то, именно благодаря феномену бакинской нефти, отца Геня пригласили на работу в компанию Ротшильдов. Именно поэтому Баку стал городом, в котором родился человек, внёсший огромный вклад в науку двадцатого века. Здесь же была заработана немалая часть всех средств, которые пошли на основание Нобелевского фонда. Когда Геня из Баку награждали столь высокой премией, он был настолько физически и морально измучен, что навряд ли до конца осознавал всю важность и торжественность всей этой процедуры награждения. Да, и в целом, он по своей природе был далёк от того, чтобы высоко оценивать признание своих заслуг и всего того, что он сделал в этой жизни. Точно также, как абсолютно был равнодушен к тому, какие же оценки выставляли ему школьные учителя. Равнодушие к славе и мнению чужих людей тоже было родом из его детства.

Чёрный дервиш оказался прав и в том, что весь двадцатый век катаклизмы потрясали страны и народы. Миллионы людей гибли на поле брани, в лагерях смерти, в собственных домах, застигнутые взрывами невиданных ранее бомб. А столь любимая и педагогом, и студентом наука физика подарила человечеству самое смертоносное оружие в мире. Теперь уничтожать людей можно было одним нажатием кнопки. С невиданной раньше скоростью. В невозможных ранее масштабах. И без всякого визуального контакта с жертва-

ми. Так неистовое желание постичь тайны природы подарило физикам власть над человечеством, о которой они и не смели мечтать. Они так же, как и Гений из Баку, думали о счастье. А о том, что каждым достижением науки рано или поздно начинают пользоваться политики, они и не задумывались. Политики же, в свою очередь, никогда не думали по-настоящему о счастье. Хотя иногда и обещали даровать его всем и сразу.

Гений прожил всего 60 лет. Из них один год провёл ещё юношей в застенках госбезопасности, восемь лет в закрытом проекте по созданию водородной бомбы и пять лет в беспомощном состоянии после постигшей его страшной аварии. Он прожил до обидного мало. А ещё четырнадцать лет его жизни было просто украдено. У него и мировой науки. Тем не менее он всё же всю жизнь считал себя очень счастливым человеком. А свою теорию счастья – самым удачным своим открытием.

Чудак же прожил гораздо больше. Но был ли он счастлив? Вряд ли. Ведь он так и не проникся пониманием того, что составляет суть теории счастья. А ещё он вообще не верил в то, что человек рождён для счастья, как птица для полёта. Ведь не все же птицы умеют летать.